Только у нас

на: «Тихомандритский - ничего». И относилась она к обладателю редкой фамилии 63-летнему профессору Главного педагогического института, автору учебников по математике, которого звали Александром Никитичем.

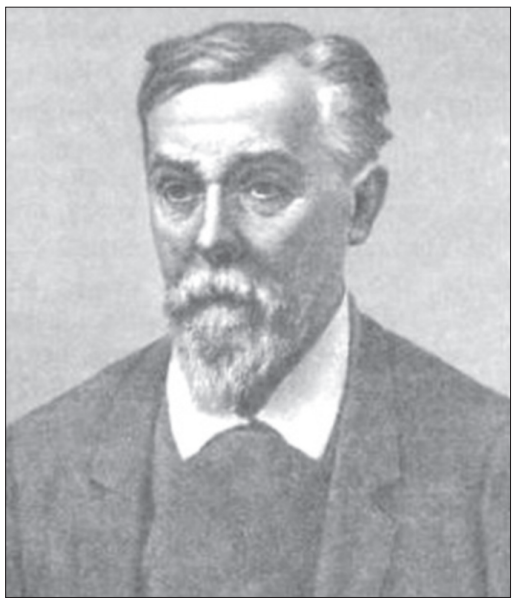
Заседания совета проводились обычно по четвергам, в здании МВД, в послеобеденное время, и продолжались два-три часа. Ивану Александровичу на первом же заседании, при распределении нагрузки, поручили наблюдение за рядом периодических изданий, в том числе за московской славянофильской газетой Ивана Степановича Аксакова «День» и столичным некрасовским журналом «Современник». Однако в считанные дни романист почувствовал, что совет создан отнюдь не по вопросам «книгоиздания», а для содействия правительству в решении злободневных проблем внутренней и внешней политики, среди которых выделялись события в Польше.

Тамошние националисты, подстрекаемые Англией, Францией и Австрией, добивались восстановления польской администрации, свободы вероисповедания и других прав коренного населения экстремистскими методами. В свою очередь М. Н. Катков, редактор-издатель «Московских ведомостей», «Современной летописи» и «Русского вестника», став глашатаем реакционных кругов, требовал ужесточения борьбы с либералами и более решительных действий против польских националистов. Либеральная столичная газета «Голос» из номера в номер вела полемику с катковскими изданиями. Но недаром Каткова называли «лейб-гоф-обер-журналистом»: высокие покровители ценили его борьбу с отечественными демократами, и всё ему сходило рук. Неудивительно, что 28 июля совет по книгоизданию под нажимом Тройницкого сделал выговор Андрею Краевскому, по словам Никитенко, «за статью против Каткова», напечатанную в «Голосе»[1].

На следующий день, 29 июля, министр Валуев издал секретный циркуляр, предписывавший цензорам «не дозволять нападки на авторитет правительственных, особенно высших, учреждений и званий, путём обобщения отдельных фактов или придания им типического значения, как последствия неудовлетворительной организации всего государственного управления... Цензоры должны иметь в виду допускать таких статей в печать менее и менее. Если не будут рядом с ними помещаемы другие статьи в противоположном духе»[2].

К происходившему в Польше, как справедливо заметил профессор В. А. Котельников, Гончаров был отнюдь не безразличен. Составляя 28 октября 1863 года замечания на статью Ивана Аксакова, опубликованную в газете «День», в которой автор советовал русским учиться патриотизму у поляков, Иван Александрович решительно возразил: «Странно встретить подобное мнение в русском журнале в настоящее время! Между тем вся статья, как и вообще всё направление газеты, отличается свойственным ей патриотическим стремлением возбудить энергическое стремление русских к народности, поэтому приведённые слова можно счесть неловкой обмолвкой: если автору пришла охота ссылаться на поляков, то он мог бы ещё назвать их действия настойчивостью, но уже никак не патриотизмом, даже с их точки зрения. Где польские патриоты? Они составляют незначительное меньшинство, робко прячутся и с тоской ждут конца террора и мятежа. Большинство, действующая партия состоит с одной стороны, из коноводов, двигателей мятежа, которые, удаляясь театра борьбы, ссорятся между собой за права личного первенства и значения, а с другой - из толпы наёмной, подкупленной сволочи, пролетариев, вешателей, грабителей и т. д. Теперь уже ни для кого не тайна, где кроется начало и причины восстания, кто его руководители и проч.»[3].

[1] *Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 353.*
[2] *Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 131.*
[3] *Русская литература. СПБ; 2012, № 2, с. 53.*



Н. М. Павлов

хотелось, недельным пребыванием моим в Москве. Я вчера мог только повидаться кое с кем ещё и потому не мог назначить часа и места тебе в течение дня...»[16].

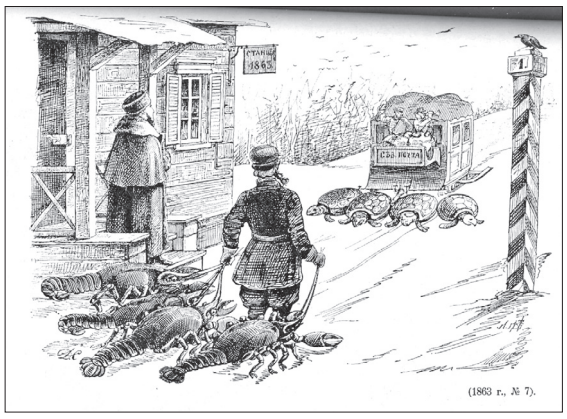
Думается, что Иван Александрович по возвращении в Петербург на встрече с М. Н. Туруновым (которому должен был доложить о возвращении из поездки в Москву) напомнил ему о прошении Г. Ф. Головачёва, их общего студенческого товарища, и беседа закончилась положительным решением: в январе 1865 года вышел первый номер журнала «Детское чтение» под редакцией Головачёва.

Свою же работу как члена совета по книгоизданию романист начал с чтения статьи славянофила Николая Михайловича Павлова «Интрига с первым Лжедмитрием», предназначавшейся для публикации в московской газете «День» И. С. Аксакова. В начале этого, весьма любопытного отзыва, Иван Александрович напомнил о состоявшемся в марте 1861 года Высочайшем повелении, разрешающем «свободно излагать факты и рассуждать о частной жизни и действиях царствовавших особ до императрицы Екатерины I». Опираясь на это повеление, Московский цензурный комитет хотя и считал возможным публикацию статьи «Интрига с первым Лжедмитрием», но встречал «сомнение в том, что один из главных участников интриги против Годунова, или, по выражению статьи, один из «заводчиков Самозванца», есть Фёдор Никитич Романов, родоначальник ныне царствующего дома».

Иван Александрович, тщательно проштудировав статью Н. М. Павлова, в своём отзыве отметил случаи, когда Ф. Н. Романов вместе с другими боярами выступал против Бориса Годунова, но расценил это домогательство бояр Романовых «естественным и справедливым», что и «оправдалось и подтвердилось потом всенародным избранием». Заключительный вывод отзыва Гончарова - это вывод просветителя. «Самоё обличение неправды, ошибочных представлений в истории, может быть с успехом производимо ничем иным, как судом той же науки, т. е. её критического анализа. Для достижения этой цели учёным деятелям, более, нежели кому-нибудь, должна быть предоставлена свобода печатных рассуждений и прений»[17]. Этот примечательный отзыв романиста был сделан в конце ноября, а 19 декабря статья Н. М. Павлова была опубликована в московской газете Ивана Аксакова «День».

Вскоре после новогодних праздников 1865 года Иван Александрович завершил свой «Отчёт о чтении журналов и газет за 1864 год», содержавший отзывы о журналах «Со-

[16] *И. А. Гончаров в кругу современников. Неизданная переписка. Псков, 1997. С. 333.*
[17] *Котельников В. А. Гончаров как цензор. - Русская литература, 2002. С. 38-39.*



Карикатура. Публикуется впервые

кованной в ноябрьском номере «Современника» за прошлый год, говорилось: «Во всех статьях под заглавием «Общественная жизнь» автор перебирает явления общественной жизни желчно, местами злобно, всегда оригинальным языком и вообще с замечательным талантом»[5].

21 января Иван Александрович вместе с Никитенко, Анненковым, Тургеневым, Григоровичем и другими литераторами участвует в похоронах Александра Васильевича Дружинина, давно страдавшего от чахотки. Присутствовал он и на поминальных обедах, устраивавшихся братом покойного Григорием Дружининым, а также на годичном собрании в Обществе пособия нуждающимся литераторам (Литературном фонде), на котором по предложению Никитенко «старшая» пенсия, выдаваемая Обществом, была названа «Дружининской»[6].

Справедливости ради следует отметить, что на заседаниях совета по книгопечатанию Иван Александрович не боялся открыто выражать своё несогласие с мнением коллег. Так, в этом же январе 1864 года он высказывает Никитенко возражение в связи с запрещением им статьи Н. И. Костомарова, которая опровергала обвинения его М. Н. Катковым в так называемом «украинском сепаратизме». Через неделю, 30 января, Гончаров возражает О. А. Пржецлавскому, потребовавшему запрещения опубликования перевода сочинения Джона Милля «О свободе», сделанного А. Лонгвиновым. На следующем заседании, 6 февраля, Иван Александрович оспаривает записку того же Пржецлавского, потребовавшего назначить «хороших цензоров» для борьбы против материализма». А 5 марта, тоже на заседании совета, он выступил против резко отрицательных суждений Никитенко о статье М. А. Антоновича «Пища и её значение», проповедовавшей материализм. В связи с этим инцидентом в дневнике академика появились любопытные строки: «Забавен Иван Александрович Гончаров: он спорил со мною, стараясь доказать, - и, правду сказать, очень нелепо, - что пора знакомить наше общество и с скверными идеями. Он забыл про то, что оно и так хорошо знакомо со многими скверными идеями, но из этого не следует увеличивать зла новым злом посредством печати, которой у нас верят, как евангелию, что знакомить людей со всеми мерзостями, прежде чем дано им орудие бороться с ними, - значит решительно делать их безоружными, покровительствовать злу. Потом Иван Александрович согласился со мною...»[7].

А вот с ультраконсервативными по содержанию записками Пржецлавского Иван Александрович упорно не соглашался. И 23 марта на заседании совета он выступил против его предложений по усилению цензурного надзора за обличительной литературой. В дневнике Никитенко в связи с этим 2 апреля появилась запись: «В совете опять побит Пржецлавский - на сей раз Гончаровым - по вопросу об усиленном надзоре за нападением на личности, за карикатурами и проч.»[8]. Довольно смело отозвался романист на статью И. С. Аксакова в газете «День», одобрив его мысль, что попытки создать официальную религию путём принуждения могут только породить вредное отношение к церкви[9].

[5] *Алексеев А. Д. Летопись жизни и деятельности И. А. Гончарова. С. 134.*
[6] *Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 403.*
[7] *Там же. С. 418.*
[8] *Никитенко А. В. Дневник. Т 2. С. 427.*
[9] *Алексеев А. Д. Летопись жизни и деятельности И. А. Гончарова. С. 138.*

Несмотря на большую служебную нагрузку, Иван Александрович изыскивал время для участия в просветительских мероприятиях. 19 февраля он посылает Андрею Краевскому заметку для «Голоса», призывающую 11 апреля торжественно отметить 300-летие со дня рождения Шекспира. 23 февраля в «Голосе» появляется его заметка, написанная по просьбе И. С. Тургенева, «Музыка г-жи Виардо на русские стихотворения». «Слышавшие исполнение этой музыки, - говорилось в заметке, - уверяют, что талант некогда любимой певицы блистательно возродился в композиции». На чрезвычайном заседании Литературного фонда Гончаров предложил пригласить на чествование юбилея Шекспира знаменитого негритянского актёра Олдриджа. Но, увы, как член комиссии по устройству литературно-художественного праздника в честь Шекспира, он вскоре узнал, что император заявил о неуместности «учреждать торжество в память рождения иностранца, хотя и великого поэта»[10]. Приятным известием для Ивана Александровича стало письмо Тургенева из Парижа, в котором говорилось: «Душевно рад, что чувствую снова Вашу руку в моей, и с удовольствием думаю об обещанном Вами посещении меня в Бадене». Иван Сергеевич благодарил и за публикацию заметки о романсах Полины Виардо.

В конце марта 1864-го на заседаниях совета по книгоизданию появился новый член - Фёдор Иванович Тютчев, возглавлявший до этого комитет по иностранной цензуре. Иван Александрович высоко ценил его как поэта и был рад общению с ним. Возможно, что тогда произошёл эпизод, о котором он впоследствии вспоминал: «Покойный Ф. И. Тютчев однажды ласково, со свойственной ему мягкостью, упрекая меня (за нелестный образ Обломова и всего более за немца. - **Ж.Т.**), спросил, «зачем я взял Штольца!» Я повинился в ошибке, сказав, что сделал это случайно: под руку, мол, подвернулся!»[11]. Что же касается обсуждавшихся на совете проблем, то Гончаров и Тютчев обычно голосовали вместе. Так, скажем, было 1 мая, когда они поддержали предложение Никитенко допустить к печати статью философа Н. Н. Страхова «о польских делах», которую столичный цензурный комитет запретил[12].

Почти два года Иван Александрович не имел отпуска, а служба не оставляла времени для работы над «Обрывом». В начале мая он подал прошение о предоставлении ему заграничного четырёхмесячного отпуска, необходимого для лечения. Получив необходимые документы, он 15 числа отправился в Карлсбад, чтобы воспользоваться там знаменитыми водолечебницами. К счастью, там оказался граф Алексей Константинович Толстой, с которым было приятно провести часы досуга и по душам поговорить. О характере добрых отношений между ними можно судить по письму графа своей жене от 15 июня: «Я читал Гончарову «Смерть Иоанна». Он восхитился, но ты никогда не отгадаешь, что он осудил и даже сказал, что он на это негодует. Зачем сбылось предсказание волхвов? Это, мол, невозможно. И зачем в «Серебряном», которого он ставит очень высоко, сбываются предсказания мельника? Про «Серебряного» он говорит, что это - подвиг и что меня только тогда оценят, когда я умру, - а появления «Смерти Иоанна» уже ждут со злобою, чтобы на неё напасть и уничтожить. Он же говорит, что она так хороша, что в нашей литературе нет ничего ей подобного, исключая «Бориса Годунова». Он пишет Тургеневу и всё говорит про неё и относится ко мне с почтением, а за предсказание даже сердится. Он очень добрый и скромный»[13].

После Карлсбада Иван Александрович почти весь июль отдыхал и лечился в Вильбадене, расположенном в долине Шварцвальда и славящемся своими тёплыми минеральными источниками, используемыми в ваннах для лечения желудка, печени и ревматизма. На этом курорте романист дружески общался с И. С. Тургеневым, который снова приглашал к нему в Баден. А 21 июля произошла неожиданная и приятная встреча с князьями Волконскими, отцом - декабристом Сергеем Григорьевичем и его сыном Михаилом. В воспоминаниях «По Восточной Сибири» Иван Александрович подробно расскажет о своих встречах зимой 1854 года, после завершения плавания на фрегате «Паллада», с Михаилом Сергеевичем, чиновником администрации генерал-губернатора

[10] *Там же, с. 136.*
[11] *Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. М., 1952. С. 149.*
[12] *Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 438.*
[13] *Толстой А. К. Собр. соч. в 4 томах. Т. 4. М., 1980. С. 369.*